

МАСТЕРА ИСКУССТВ

ДУША ТАЛАНТА

Есть актер в Горьковском театре драмы — художник редкостного своеобразия. Это заслуженный артист РСФСР Николай Волошин. Некоторые его работы хочется смотреть по нескольку раз, возвращаться к ним, как будто в картинную галерею. В его палитре — насмешливость, склонность к гротеску, к эксцентризму, озорство — то злое, саркастическое, то по-доброму веселое. И поэтическая, волнующая печаль. И скорбь невозвратимых потерь. И сам он то живописец, то мастер тонкой графики. Сочный мазок и полет карандашного штриха...

Нельзя сказать, что Волошину всегда везло на сцене: играть приходилось часто далеко не то, что близко и интересно актеру. Таких «проходных» ролей накопилось немало. Они отягощают душу артиста досадой, раздражением, скепсисом и мешают полноценному художническому самочувствию, необходимому для творчества. Но это, наверное, о себе может сказать каждый, много лет пробывший на сцене незаурядный актер. Дорого другое: Николай Волошин не повторяется, всегда находится в любой, даже бледно написанной роли «особинку», иногда неожиданную, не каждым глазом отмеченную.

Вспоминаю, как бранились критики по поводу появления на сцене Волошина в роли Марка Волохова в инсценировке гончаровского «Обрыва». Казалось это решение недостаточно серьезным, поверхностным, даже дискредитирующим литературного героя. Теперь же думается, что актер был прав. Наверное, Марк таким

виделся и Гончарову — верным себе до конца, упорствующим в своих заблуждениях, честным в своих воззрениях на мир, презиравшим обман и всякие иллюзии. Может быть, прав актер и в том, что его герой так мало ценит любовь, так «нигилистически» отбрасывает ее. В этом ведь была общая беда переходного времени. Таким он и был, зачем же придумывать. Острая насмешливость оценок не разрешает пафоса там, где он выглядит искусственным и нарочитым.

Своеобразно решены и всегда приковывают к себе внимание роли Н. Г. Волошина в пьесах Горького. Актер этот — «горьковский», и не случайно горьковская традиция ведет затем линию актерских исканий в сторону Чехова (Вершинин в «Трех сестрах»), Ибсена (консул Берник в «Столпах общества»), а в современных пьесах — к В. Шукшину (Простой человек в «Энергичных людях»).

В пьесе Горького «На дне» у Волошина две роли — Сатин и Актер. В прославленном герое Горького — противоречивом и сложном человеке Сатине — Н. Волошин опирается на его горькое гонимое, на присущее ему громкогласное комедианство, которым он пытается заглушить, замаскировать свою тоску по лучшей жизни, свою тяжелую обиду. В актерском решении Волошина у Сатина все время прорывается эта обида, незаживающая рана, та незащищенность, поверхностность цинизма, которые в главном присущи всем персонажам пьесы. Сатин в человеческом плане — не исключение, это явление «дна», а

его гордые речи — знамение времени, идеи, созревшие в грозном предреволюционном воздухе эпохи, способные проявиться в любой среде обездоленных людей.

Тема проигранной, загубленной жизни — тема Актера из той же пьесы возникает в духе острого драматизма у Волошина и в роли Якова Бардина («Враги»). Чуткий, отзывчивый, как дорогой музыкальный инструмент, добрый, грустный, Яков глубоко и больно сознает свое падение, свою вину в собственном жизненном крушении, и принятое им решение уйти из жизни кажется закономерным, тем более что его все близкие бессознательно толкают к такому концу. В противоречивом и тусклом по краскам спектакле работа Н. Волошина резко выделяется своей художественной подлинностью и правдой эмоций.

Зловещей печалью отдает от писмоводителя Глинкина в «Фальшивой монете». Вроде бы обыкновенный, ничтожный, самоуверенный молодой шалопай, и вдруг он с каким-то испугом, с дрожью говорит, что в этом доме нет зеркала, так что нельзя даже понять, существующий ли ты в самом деле. Призрачный мир «мелких бесов» вдруг встает на сцене. Умение ценить горьковское слово, находить в нем глубокий подтекст всегда отличает Н. Г. Волошина в горьковских ролях. Стоит вспомнить и провидиальную «элегантичность» веселого пошляка Замыслова в «Дачниках» — у актера этот крохотный «дачный Мефистофель» достоверен и типичен.

Авторский подтекст, с большим чувством меры и такта открываемый Воло-

шиным во многих ролях, особенно важен для него в пьесах А. Арбузова. Гусятников в спектакле «В этом милом старом доме» у Волошина выполнен с акварельной легкостью и нежностью красок. Актер нашел своеобразную логику поведения своего крайне нелогичного героя да еще заставил зрителя встать на его сторону — очень сложное дело! Гусятников в этом решении не просто добрый, деликатный, милый чудак, он чудак необыкновенно увлекательный, по-юношески лихой, «рисковый», любовь у него — как оружие для поединка. Огонь, загоревшийся в душе героя, зажигает весь спектакль.

В пьесах Арбузова «Счастливые дни несчастного человека» и «Выбор» у Н. Волошина — эпизоды, но так сделанные, что заслоняют иные главные роли! Все дело в умении провести мысленную черту между видимостью и сущностью героя и показать ее зрителю. Резко, четко, в духе гравюры на дереве! К стилю пьеспритч это очень подходит, а Волошин из тех актеров, что заботятся о целостности спектакля не на словах, а на деле.

В этом стиле в «Выборе» действует бесподобный Королевич — карьерист, способный на все, кажется, даже на преступление, изящный, самоуверенный. И вдруг такой грустью и потерянностью веет от него, когда он наказан за свою вину утратой простых человеческих радостей. Каждое движение Королевича на сцене у актера значимо, связано с общей мыслью спектакля.

Редкостный комедийный дар Волошина интересно со-

четається у него с романтической озаренностью и безупречным чувством стиля. Что важно в Ипполите — в комедии «Однажды в новогоднюю ночь» Брагинского и Рязанова? Можно ведь играть только очень смешное положение, в которое попадает герой. Волошин находит в этом самодовольном и недалеком человеке еще какую-то очень трогательную пристыженность по поводу своей жизненной катастрофы. Это можно найти в герое лишь тогда, когда способен любить и видеть хорошее в людях. Что такое Бенедикт в комедии Шекспира «Много шума из ничего»? У Волошина он тоже смешон — из-за своих устойчивых предрассудков, но как ярко сочетаются в нем ироничность остряка и благородная рыцарственность, грубоватое изящество придворного эпохи Возрождения и прямолинейность храброго солдата!

В болтливом и неустойчивом, хоть и добром Евгении Милованове («Верность» Пановой) есть неожиданно найденное и по-особому выявленное ерничество — результат равнодушия ко все-

му притерпевшегося человека.

В спектакле «Энергичные люди» по В. Шукшину в образе Простого человека найдена истинно шукшинская тема, в отличие от спектакля в Ленинградском БДТ, хотя в постановке там как-то участвовал и сам автор. Там Простой человек — унылый подонок, тоскливо сознаящий свое падение. Здесь же, на нашей сцене, в исполнении Волошина хоть и ощущается смутная тоска героя о несостоявшемся, но это какая-то другая тоска, в народном эпическом стиле, сочетающаяся с искренней и простодушной жадой и радостью жизни и трезвым — в этом пьянице! — объективным самоосуждением.

Продолжение этой темы у актера — Кэлин Абабий в «Святая святых» Иона Друце: народное, глубинное и всегда верное чувство справедливости, застенчивость и душевная поэтическая тонкость, прозрачно скрытые шумным молодечеством.

Любому актеру есть чему позавидовать у Николая Волошина во всем, в том числе и талантливой пластике и

деталю внешнего поведения, всегда тщательно разработанным актером в духе роли. Вспомним только походку некоторых персонажей — виртуозно-хамелеонную у Исполнителя королевских желаний в сказке Л. Устинова и О. Табакова «Белоснежка и семь гномов», вкрадчиво-извивающуюся — у предателя Кетсби в «Ричарде III» Шекспира, фатовскую, самолюбующуюся, напоминающую о канкане и рыночном разврате — у Константина в «Детях Ванюшина».

Сказано, все это здесь не по какому-либо специальному поводу, а просто вдруг вспыхнула досада, что мы еще не всегда умеем замечать в театре все истинно талантливое, и захотелось дать себе отчет, как же у многих зрителей складывается такое цельное и особенное художественное впечатление, — когда на сцене Николай Волошин...

А. АЛЕКСЕЕВА.

НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР Н. Г. Волошин (он — в центре) в одном из телевизионных спектаклей Горьковской студии телевидения.